

ИРИНА МУРАВЬЕВА

КУПЕЦ
И
РУСАЛКА

РОМАН

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М91

Художественное оформление серии
Е. Окольциной

Муравьева, Ирина.

М91 Купец и русалка : роман / Ирина Муравьева. —
Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-102422-2

Женская любовь часто неподвластна логике. Особенно любовь мертвой женщины...

...Елена Воздвиженская, грубо лишенная девственности, относилась к мужчинам с иронией. Но, познакомившись с лечащим доктором своей матери — импозантным и серьезным Тереховым, — влюбилась без памяти.

Роковые страсти и мистика в декорациях купеческой Москвы начала XX века — это новый сюжет Ирины Муравьевой, выступающей в непривычном жанре нуарного романа. Русалки и черти, богатые геи и революционеры, суфражистки и содержанки — кого только нет в этой феерической книге. И все они трагически связаны друг с другом карнавалом Истории, в которой каждый играет свою роль.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Муравьева И., 2019

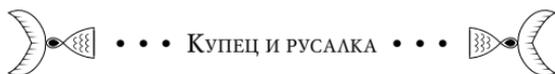
ISBN 978-5-04-102422-2 © ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Про купцов известно немного, но кое-что все-таки известно. В частности, до нас дошел факт, что многие купцы очень любили удить рыбу. Обычно они удили рыбу по ночам. Для этого купцы незаметно выкрадывались из дома, переодевались простыми мещанами, брали из конюшни удочку и, сняв сапоги, чтобы они своим скрипом никого не разбудили, шли на Москву-реку. Про Москву-реку тоже не всё известно, потому что в наше время её так загрязнили, что трудно сказать, где берёт она силы и течь, и блестеть, и легонько волной выкидывать камешек скользкий на берег, однако все знают, что именно в реку и сбрасывали разных женщин. Каких? Ну, чаще всего жен, конечно. Не честных и голубоглазых, а дрянь, забывших про стыд, опо-

зоривших мужа. Но так поступали не только в России. Такое встречается в Англии, в Ялте и реже, но всё же у горных народов. Однако в Москву-реку так же бросали неверных любовниц. Вот это досадно. Любовница ведь потому и любовница, что жаждет любви и как можно скорее. Поэтому может прибегнуть к услугам любого мужчины. За что же топить? Она не котенок, не мышка какая, а женщина с сердцем, умом и талантом. Пускай бы еще пожила, похитрила. Но разве кому объяснишь? Не поймут.

Большинство этих женщин, конечно, сразу захлебывались, тонули и только спустя две недели превращались в русалок, но некоторые умели плавать и поэтому они не только не погибали и не превращались в русалок, а спокойно выбирались на берег и исчезали. Куда исчезали и что было дальше, не знает никто.

Купец по фамилии Хрящев, человек молодой, мешковатый, с мясистым носом и очень вспыльчивый, отчего и дела его шли всё хуже и хуже, увлекся рыбной ловлей до того, что ни одной ночи не мог усидеть до-

ма. Жил он с матушкой, женщиной сильного характера, богобоязненной, и молодой женой Татьяной Поликарповной, полной и рыхлой по причине беременности.

Матушка ложилась спать рано и спала очень крепко, а Татьяна Поликарповна, которую постоянно тошнило, даже и радовалась, что ночами вспылчивого её мужа Хрящева не бывает дома.

Семнадцатого июля, сняв сапоги, с удочкой на плече и бутылкой водки, купец подошел к воде. На душе у Хрящева было тревожно. Тут я должна сделать небольшое пояснение: очень неверно считать, что всё купеческое сословие сплошь состояло из тех малообразованных и карикатурных лиц, которые выведены в пьесах Островского. Нет, нет и нет. Встречались и в этом сословии люди, весьма романтические, с воображением, успевшие страстно влюбиться в Париж, всегда чуть покашливающие в платки с такой элегантностью, что и дворяне могли их спокойно принять за своих. Хрящев в Париже не бывал, но в залу к себе на Пречистинку поставил рояль. Велел,

чтобы пыль вытирали особой пупырчатой тряпочкой.

Итак: подошел он к реке. Сел прямо на влажный песок. Вдохнул и задумался. Кто знает, о чём он задумался? Тут удочка дернулась. Он не заметил. Хлебнул из бутылки. На второй раз удочка подскочила так высоко, что Хрящев чуть было и сам не упал.

В конце концов вытащил женщину. Красивую, длинноволосую, с заманчивым круглым лицом. На то, что у женщины хвост, а не ноги, купец и внимания не обратил.

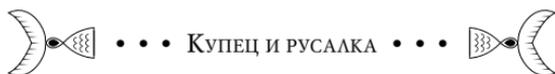
— Ну, — сказала она тихим голосом. — Ну, здравствуй, Маркел Авраамович.

— Здравствуй, — ответил Хрящев. — А кто вы такая? Позвольте спросить.

— Замерзла я что-то. — Она усмехнулась. — В воде мы не мерзнем, привыкли. А здесь по ночам у вас зябко.

— Так, ну... — растерялся купец, — так, может, хлебнёте чуток Кардамонной? Хорошее дело.

— Чуток Кардамонной? А что ж тут плохого? — И женщина живо придвинулась

ближе. — Давай Кардамонной хлебнём. Пожалуй, что не помешает.

Тут Хрящев заметил сверкающий хвост. Но странное дело: его это не отпугнуло. А может быть, даже и не удивило.

Хлебнувши, русалка размякла.

— А ты не суди. Не суди, Авраамыч, — вздохнула она. — По молодости наглупила, конечно. Ну, это как водится. Ты про Водяного слышал али нет?

— Да как не слышать? Им детишек пугают.

— Ах, глупости это. — Она отмахнулась. — Какой там еще Водяной? Нет такого. Чего зря пугать? Детишкам и так в жизни крепко достанется: кого в рядовые забреют, кого...

— Эхма! Золотые слова! — Купец помялся. — Сперва стгоряча нарожаем, конечно... А после не знаем, куда их девать.

— Ну, пусть царь решает! — сказала она. — А мы давай выпьем и песню споём.

Хрящев петь любил, но всегда этого стеснялся, хотя мальчишкой пел в Пасху на клиросе. Они еще выпили, калач попо-

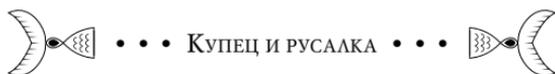

лам разломил, заели. Увидели, как над рекой расстилается рассветный туман и в нём, бледно-розовом, одна за другой тают звезды. Русалка положила на плечо Маркела Авраамыча мокрую голову.

— Отвыкла я что-то от ваших обычаев, — вздохнула она.

Пахло от неё речной свежестью, напоминающей запах огуречного лосьона, а то, что Хрящев принял в темноте за серебристую сорочку, оказалось на самом деле её кожей, холодной на ощупь, но нежной и скользкой, как жемчуг.

В купечестве супружескую верность не так часто нарушали, как, например, в дворянском сословии или в среде художников. В дворянском сословии было много сластолюбивых помещиков, которые портили развратными привычками крепостных девушек и безответную прислугу, а были такие, что и покушались на жен своих братьев, друзей и соседей. Про художников дошли слухи, что они вступали в интимную близость с натурщицами и с женщинами лёгкого поведения, которых приличия ради везде пред-

ставляли как муз. Но самая грязь, самый ужас таились в театрах — больших, малых, оперных и драматических. Об этом сейчас тяжело вспоминать.

Татьяна Поликарповна Хрящева была женщиной очень ранимой и часто падала в обмороки, из которых доктор Иван Андреич выводил её с помощью нюхательного спирта, изредка прибегая к увесистым пощечинам, от чего на бледных щеках Татьяны Поликарповны загорались багровые розы. Мужа своего она, может, и любила, но робкой и тусклой любовью, а тут, забеременев, стала страшиться законных супружеских ласк оттого, что кто-то из странниц или приживалок шепнул ей однажды, как этой вот лаской легко можно даже угробить младенца.

Хрящев не очень, кстати сказать, опечалился, а почти каждую ночь ложился спать в беседке, где ему постилали постель и откуда можно было смотреть на звёзды. Лето в Москве всегда тёплое, и сон в озаренном луною саду намного приятнее и здоровее, чем в спальне, где пахнет засушенной мя-

той, повсюду разложенной в белых мешочках для предотвращения ненужных клопов.

Прикосновение к шее его мокрой девичьей головы, нежно пахнувшей огуречным лосьоном, так сильно взбудоражило Маркела Авраамовича, что, не удержавшись, он крепко прижался губами ко лбу, прохладному, скользкому, зеленоватому, и вдруг задрожавшей своею ладонью погладил холодную грудь.

— Ах, так я и знала! — сказала русалка. — Не стыдно тебе? Я ведь нечисть речная.

— Какая ты нечисть? — Купец весь горел. Язык его еле ворочался. — Какая ты нечисть? Отрада моя!

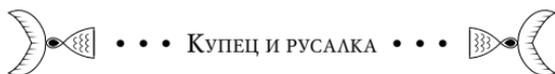
— Но я без души!

— А на что мне душа?

— Так я и без ног.

— А я буду носить! Возьму тебя на руки и понесу!

Слегка застонав, он схватил её на руки и тут же, не выдержав, рухнул в песок. Через несколько секунд Хрящев убедил-

ся в том, что отсутствие ног совсем ничему не препятствует. Всегда эти ноги, особенно толстые, мешают и лезут куда их не просят.

Русалка в любви оказалась такой, что мозг у купца, словно камнем, отшибло. Когда подступил самый жгучий момент, он вдруг закричал, да таким диким голосом, что облако разорвалось пополам. Потом они нежно вздыхали, обнявшись. Русалка опомнилась первой.

— Ну, будет, Маркел Авраамович. Будет. Пора мне обратно в пучину, домой. Прощай, моё сердце.

— В какую пучину? — Купца затрясло. — Да я не пущу тебя в эту пучину!

— А что ты предложишь мне вместо пучины?

— Женюсь на тебе, да и всё!

Русалка холодным серебряным смехом осыпала Хрящева.

— Да ты ведь женатый, Маркел Авраамыч!

Купец замотал головой:

— В монастырь! Супругу отдам в монастырь!

— В какой монастырь её примут, Маркел? Она на сносях ведь, супруга твоя!

— А, верно! Она на сносях. Так куда? Обратно, к отцу, ведь, поди, не захочет!

— Вот то-то оно! — загрустила русалка. — Мужчины всегда так: женюсь да женюсь! А как поразмыслят, так сразу в кусты! Прощайте, неверный Маркел Авраамович.

Тогда он опять подхватил её на руки и всю, даже хвост, облепил поцелуями.

— Постой, погоди! Раз сказал, что женюсь, так, значит, женюсь! Дай обмозговать!

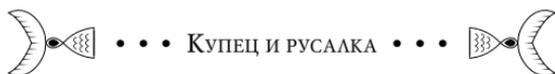
— Домой мне пора, — повторила она, нахмурив свои серебристые брови.

— Какой дом на дне?

— Очень даже хороший. Не хуже, чем ваш. И чем глубже, тем лучше.

— Нет, ты обещай, что пойдешь за меня! — взмолился купец. — Так уж я всё устрою.

— Душа у тебя золотая, Маркел. — Она улыбнулась прощальной улыбкой. — Вот ты и лицом неказист, и манерой, а мне было сладко с тобой, ох как сладко!

Скользнула в волну. И, как льдинка, растаяла.

Купец зашел в реку по пояс, не снявши ни мятых порток, ни рубахи.

— Эй, где ты?

Молчала река, равнодушная, сонная. Слегка розовела.

Мамаша и Татьяна Поликарповна сидели в столовой за самоваром, когда стукнула калитка со стороны сада, и, мокрый, небритый, с воспаленными глазами, ввалился Хрящев. Он был босым, рубаха на груди разодрана, по шее извивалась воспаленная полоса.

— Откуда явились, Маркел Авраамович? — с ехидством спросила мамаша. — Отец ваш, покойник, всегда говорил, что вы для семьи человек ненапористый.

Хрящев махнул рукой и, оставляя на паркете мокрые и грязные следы, прошел к себе в спальню. Татьяна Поликарповна побелела и чуть было не упала, как всегда, в обморок. Матушка со строгостью посмотрела на неё сквозь очки.